

Алиса Давыдова

РАЗВОД В 45

Я выбрала себя

Алина Давыдова

Развод в 45. Я выбрала себя

«Автор»

2026

Давыдова А.

Развод в 45. Я выбрала себя / А. Давыдова — «Автор», 2026

Молодая любовница мужа ходит в моих вещах и ждет от него ребенка. А я оказываюсь на обочине жизни. Старая, бесполезная. Мне 45 лет, и может показаться, что после развода моя жизнь будет кончена. Но я собираюсь отомстить. Хочешь войну, Антон? Хорошо. Ты её получишь.

© Давыдова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алина Давыдова

Развод в 45. Я выбрала себя

Глава 1

Торговый центр «Радуга» пахнет кофе и свежей выпечкой. Я иду мимо магазинов. У меня свой список покупок: скатерть, занавеска в ванну и новое кашпо для фикуса, который я упорно пытаюсь загубить вот уже какой год.

И тут я вижу её.

Стройная девушка в облегающих джинсах и моём свитере. Да-да, не в похожем, а именно в моём. В том самом, кашемировом, цвета увядшей розы. Я купила его на распродаже, и муж еще неделю читал мне нотации. Ибо нужно тратить деньги разумно, а не на всякий шлак.

Под этим свитером – моя блузка. Я узнаю её по характерным бусинам на воротничке.

По спине ползут мурашки.

Девушка листает что-то на телефоне, и я успеваю заметить родинку у неё на шее и идеальный маникюр.

У меня подкашиваются ноги. Я прислоняюсь к холодной стене возле лифтов и судорожно хватаю телефон. Пальцы сами находят нужный номер.

– Алло, Дашуль? – голос у Антона сонный, будто я разбудила его среди ночи.

Рабочий день в разгаре, между прочим!

– Ты где?

– На работе, конечно же. Готовим итоговый финансовый отчёт. Кофе литрами пьём, моргнуть боимся. А что такое?

– Я только что видела в «Радуге» девушку. В моём кашемировом свитере и моей же блузке.

На той стороне провода – мёртвая тишина. Такая, что слышно, как где-то в офисе моего мужа скрипит стул.

– Антон? Ты меня слышишь?

– Слышу, – наконец выдавливают он. – Слушай, это же... Наверное, это Лера. Моя стажёрка.

– Твоя стажёрка ходит в моей одежде? – мой голос чуть повышается.

Ну, будем честны, не каждый день встретишь незнакомку в твоих вещах. У меня вот такое впервые за сорок с лишним лет жизни.

– У неё на днях случился форс-мажор! – начинает лихорадочно объяснять муж. – Попала утром под дождь, до нитки промокла. Я из дома твое шмотье взял и ей привез. Ненужное. Оно у тебя лежало в шкафу на выброс.

– Значит, ненужное? – цежу сквозь зубы.

– Вот именно. Обычное барахло. Я потом ей напомню, чтобы отдала. Не придавай значения.

Он тараторит всё это без пауз, без запинки. Словно отрепетировал.

Не придавай значения. Классика. Моя жизнь состоит из сплошных «не придавай значения». Не придавай значения, что я задерживаюсь на работе. Не придавай значения, что у меня на воротничке следы помады – это же Марья Ивановна, бухгалтер, она всегда такая эмоциональная, обнималась при всех. Не придавай значения, что я забыл про наш ужин.

Последние несколько лет я только и делаю, что не придаю значения ничему.

Живу как живется.

– Хорошо, – говорю я неожиданно спокойно. – Скажи своей растерянной стажёрке, чтобы вернула мои вещи. Лично в руки.

– Конечно, заяц, обязательно. Не кипятись, пожалуйста. Я же всё объяснил?

– Да, всё, – киваю я в пустоту.

Вешаю трубку и задумчиво смотрю вслед той девушке. Она уже скрывается за поворотом, смеётся, общаясь с кем-то по телефону. Мой свитер сидит на ней идеально.

Гораздо лучше, чем сидел на мне.

А я понимаю одну маленькую деталь: это новые вещи, и я никогда бы не убрала их в шкаф с ненужной одеждой.

Возвращаюсь домой с тем чувством, когда вроде бы ничего страшного не произошло, но выворачивает, аж плакать хочется.

Одежда. Моя одежда на чужой женщине.

Вроде пустяк – я не из тех людей, кто держится за шмотье. Вещи можно продать, отдать. Но почему-то кажется, что вместе с ними она надела на себя кусок моей жизни. И шла по торговому центру легко и непринужденно, а я стояла в стороне, как дура, и не знала, куда деть руки.

Снимаю сапоги, бросаю сумку в прихожей и долго разглядываю своё отражение в зеркале. Мне сорок пять лет. Ни детей, ни постоянной работы, ни – да чего уж там – особых перспектив. Я всегда думала, что у меня впереди целая жизнь. Но теперь зеркало отвечает мне безжалостно: вот она, твоя жизнь. Бессмысленная и бесполезная.

С последнего места работы уволилась полтора года назад. Могла бы найти новое, но Антон настоял – сиди, мол, дома. Я нехотя согласилась.

Хотя домохозяйка из меня посредственная. Не дается мне домашний уют. Если пол не забуду помыть – уже спасибо.

Антон стал моим «последним шансом». Я в это верила, когда мы познакомились. Он казался таким надёжным, таким мудрым, таким правильным. Не принцем, нет. Я в принцев перестала верить ещё лет двадцать назад. Но мужчиной, рядом с которым можно спокойно жить.

Сил на новую страсть, на выяснение отношений, на притирку характеров у меня не осталось. А тут всё так быстро совпало. Пообщались немного, поженились.

Вот и вся история.

У него за спиной тоже опыт неудачных отношений. Бывшая жена-стерва, ребенок, с которым он почти не видится. Мы пристыковались друг к другу лет пять назад.

Пытались ребенка родить, но безуспешно. Даже к ЭКО готовились, да что-то не сложилось, а второй раз встать на квоту не стали. Решили, что и без детей проживем.

И меньше всего я рассчитывала на то, что однажды застану непонятную девушку в своем свитере.

Руки привычно достают чашку, ложку, банку с моим «вечерним» успокоительным чаем «Ромашка и Melissa». Антон смеётся над ним. Говорит, что это для древних старушек. Сам он предпочитает «успокаиваться» чем погорячее.

Я с ним не спорю. Вообще не имею особенности конфликтовать с мужем, особенно – из-за ерунды. Чай свой продолжаю пить, и всё тут.

Антон сидит на диване в спальне, уткнувшись взглядом в ноутбук. На экране – какие-то цифры, таблицы. Вечно в работе. Ничего нового. Тем более сейчас в его фирме закрывается отчетный период. Поэтому он с коллегами строчит какие-то документы без остановки.

– Антон, – начинаю я; голос звучит непривычно глухо. – Нам нужно поговорить.

Он даже не поднимает головы. Только горестно вздыхает. Этот вздох я знаю наизусть. Он означает: «Опять начинается».

– Потом. У меня дела.

– Но это важно.

– Даш, правда, я жутко устал, а мне ещё две бумажки на подпись готовить. Давай завтра.

– Нет, не завтра. Сейчас. Про эту девушку. Твою стажерку.

– Я же всё объяснил по телефону! Что ты от меня ещё хочешь? Протокол допроса составить?

– Мне нужно понять! – голос снова предательски ломается. Я ненавижу себя за это. Хочу говорить спокойно и уверенно, а получается какая-то истерика. – Тот свитер... Я его только недавно купила. Как он мог попасть в шкаф со старьем? Блузка тоже новая. Я помню эти свои вещи.

Он закатывает глаза. Чую, сейчас будет лекция о моей забывчивости.

– Дорогая, наверняка ты их туда сама положила и забыла. Я не проверял, что у тебя валяется в том шкафу! Просто человеку помог в трудную минуту. Извини, что перед этим не провёл инвентаризацию!

Он говорит это так убедительно, с лёгкой обидой в голосе, что я на секунду сама начинаю сомневаться. А вдруг? Вдруг я и правда забыла? Не туда закинула или после стирки убрала на другую полку.

Только вот интуиция подсказывает: никакой ошибки быть не могло. Новые вещи, которые я надела раза два-три от силы.

– Я...

– Даша, умоляю, хватит искать чёрную кошку в тёмной комнате. У меня голова раскалывается.

Я словно упираюсь в глухую, бетонную стену.

Не знаю, что делать с этим подозрением, которое грызет изнутри, как голодная крыса. Не знаю, куда себя деть.

Пойти и сесть рядом? Обнять его? Притвориться, что поверила? Это самый простой путь. Путь наименьшего сопротивления. Путь, по которому я шла все последние годы.

Но сегодня что-то сломалось. Какая-то маленькая, но очень важная шестерёнка в моей душе отказывается вращаться.

Словно чтобы закрепить сказанное, Антон берёт пульт и включает телевизор. Теперь в комнате бодро гремит какой-то футбольный матч. Трибуны ревут, комментатор срывается на крик. А я стою рядом, чужая в собственной комнате.

Он машет рукой, не глядя: мол, потом, потом.

Сажусь на край дивана.

И вот тут меня накрывает.

Не обида – пустота.

Ощущение, что я растворяюсь во всем этом. В бытовых заботах, в домашних делах. В проблемах мужа. Как будто моя жизнь – это какая-то глупая нелепость.

Мысли терзают меня.

А что, если у меня ничего не получится? Если всё хорошее, что было в моей жизни, уже прошло?

А что, если наш брак – это и есть ошибка?

Моя свекровь умеет появляться как черт из табакерки. Внезапно. Бессмысленно и беспощадно.

Вот и сегодня. Она требовательно звонит в домофон с утра пораньше. Антон только-только уехал на работу.

У неё есть ключ, но она всегда звонит в домофон – чтобы мы знали: к нам пришел ревизор. И готовились к худшему.

Если точнее, мужу моему ни к чему готовиться не надо. Он ведь любимый мамин сыночек, её надежда и опора. Сорокапятилетнее счастье, совсем ещё малюсенькое.

А вот я – мерзкая гадкая женушка, от которой одни неприятности. Меня будут третировать изо всех сил.

С самого первого дня я не пришлась свекрови по душе. Ей не нравились мои короткие светлые волосы. Не нравился мой разрез глаз.

– Она у тебя какая-то молодящаяся, – говорила свекровушка Антону.

Как будто в свои сорок лет (на тот момент) я должна была обмотаться белым саваном и готовиться к отходу на кладбище.

А когда оказалось, что люстру вытирать ненавижу и блины с толокном не пеку – меня вообще перевели в разряд врагов.

Я открываю дверь и за считанные секунды пытаюсь провести быстрый аудит квартиры: посуда помыта, полы относительно чистые, пыль на комод. . . О, матушки, пыль! Я смахиваю её рукавом, пока слышны неторопливые шаги по лестничным пролетам.

Свекровь входит без стука. Разуваётся, стягивает плащ. Она очень худая, почти тощая. Следит за каждой съеденной калорией – и если видит, что я где-то берусь за лишнюю булочку, то сразу же сообщает об этом.

При ней я вообще стараюсь не есть.

Благо, свекровь у нас обычно не задерживается. Проводит осмотр территории, отсыпает мне нравочений – и уезжает на несколько недель восвояси.

– Дарья, – это не приветствие, это констатация факта моего присутствия.

Она окидывает прихожую критическим взглядом.

– Ирина Семеновна, здравствуйте. Не ждала вас.

– А я и не предупреждала, – женщина проходит на кухню, где её взгляд сканирует каждую поверхность. – Внезапные проверки – самые показательные. Кофе нальешь? Ты же всё равно его пьёшь литрами. Хотя от кофе нервная система расшатывается, я тебе сто раз говорила.

Я молча наливаю в фарфоровую чашечку крепкий эспрессо без молока. Безмолвно ставлю перед ней. Моя тактика – молчать и кивать. Обычно это работает.

– Тут ужасно пыльно, – произносит свекровь, проводя пальцем по полке холодильника. – У Антона опять астма разовьётся! Помнишь, я рассказывала, как в три года мы еле-еле откачали его? В больнице неделю лежали!

Она делает паузу, давая мне возможность оправдаться.

Насколько я помню (а историю эту я слышала раз сто), Антон тогда заболел. Ему поставили ларинготрахеит на фоне простуды, сделали ингаляции – и отпустили домой. Но в устах свекрови эта история каждый раз обрастает дополнительными – ужасающими! – подробностями.

То астма, то бронхит, то вообще неведомая науке болячка. Было б желание – а заболевание найдется.

Именно поэтому выдумывать оправдания я не спешу. Нет никакого смысла.

– Ты знаешь, Даш, – начинает Ирина Семеновна своим фирменным тоном, когда каждая фраза звучит как приговор, – я всё понимаю. Все мы занятые люди, работающие. . .

Я хмыкаю про себя. Да, конечно. Если бы у меня была работа, может, слушать всё это было бы чуть проще. А то получается, что они-то люди занятые, а я так, нахлебница, приживалка.

Своего ничего нет, но даже пыль вытереть не могу.

– . . .но всё равно женщине важно создавать уют. Антону нужно, чтобы дома его ждали. Чтобы был порядок. Чтобы он чувствовал – в семье есть хозяйка.

Я опять киваю. Давно усвоила: спорить со свекровью – всё равно что пытаться тушить пожар бензином. Лишь сильнее разгорится. А так, глядишь, успокоится.

– Цветы эти свои залила, – кивает она на мой скорбный фикус. – Не умеешь ты ухаживать. Ни за цветами, ни за домом, ни за мужем.

Вот так всегда. Сначала – быт. Потом – переход на личности. Я сжимаю чайник, который собралась убрать, с такой силой, что пальцы белеют.

– Антон не жалуется, – тихо отвечаю свекрови.

– Антон у меня золотой мальчик! Он никогда не жалуется! – Её голос повышается. Она раскачивается всем телом, как маятник, набирая обороты. – Он всё терпит. И твою лень, и твоё равнодушие. И самое главное... самое главное, что ты даже не смогла...

Я зажмуриваюсь. Ой, вот сейчас начнется. Главная тема, которая не дает Ирине Семеновне покоя.

– ...Даже ребёнка ему не смогла дать! Мальчика! Наследника! Мой сын заслуживает продолжения рода! А ты... ты что? Пустоцвет! Бесплодная...

Тут я не выдерживаю. Тема беременности для меня очень тяжелая, и каждый раз, когда свекровь на неё надавливает, мне сложно сдержаться. Вот и сейчас. Слова вырываются сами по себе, едкие, ядовитые.

– А предыдущий его ребёнок? Чем не наследник?

На кухне становится жарче. Ирина Семеновна бледнеет, потом краснеет. Её глаза округляются. Предыдущий ребёнок – её больная мозоль. Сын Антона от первого брака. Мальчик лет тринадцати, который живёт в другом городе и на звонки отца отвечает односложно. Не то чтобы Антон ему часто звонил...

Я хочу добавить, что наследовать-то, собственно, нечего, кроме кредита на дачу Антона, который мы ещё лет пять выплачивать будем. Ну, машину ещё. Больше у нас ничего нет. Квартира, в которой живем, записана на его мамушку.

Так что наследнику достанется? Счета за электричество?

Вот уж гордость.

Но я не успеваю вставить даже слово.

– Молчи! – её голос надламывается. – Ты не имеешь права говорить про его первого ребенка! Не имеешь! Это совсем другая история! Его бывшая жена настроила Диму против отца! Антон так страдал! Он этого мальчишку любил!

Вздыхаю и с интересом склоняю голову набок. Так любил, так любил, что я про Диму практически и не слышала.

Да, он есть, с днем рождения его Антон поздравляет, алименты платит, подарки покупает. Но не более того.

– А ты... твой долг... ты не справилась, – шипит свекровь. – Вообще ни с чем не справилась.

Она встаёт, её чашка с недопитым кофе громко бренчит по столу.

– А с чем я должна была справляться? – спрашиваю нейтрально. – Вы знаете, Антон ведь тоже мог бы...

– Не смей, – резко добавляет Ирина Семеновна, перебивая меня. – Не смей сомневаться в моем сыне. Всё у него будет, он всего добьётся. А ты... ты просто должна быть рядом. И не мешать.

Я опускаю глаза, чтобы она не увидела мою безрадостную усмешку.

Не мешать. Вот мой официальный статус в этой семье. Даша, которая не мешает, не лезет и не высовывается.

Свекровь выходит из кухни, но в воздухе грозowymi раскатами висят её слова.

И самое страшное, что где-то в глубине души я сама в них верю.

Глава 2

От визита свекрови в квартире становится ужасно тесно. Ирина Семеновна хоть больше пока и не лезет (ключевое слово: пока), но её присутствие тяготит само по себе. Она умудряется быть везде и сразу. Проверять полки, изучать налет в ванной, возмущаться тем, что Антон вынужден питаться вчерашним супом.

Поэтому я хватаю сумку и ухожу в магазин. Не потому что срочно нужны продукты. Просто хочется сбежать. От стен, от её взгляда, от собственной беспомощности.

На улице прохладно. Я иду, стараясь дышать глубже.

«Не обращай внимания, Даша, – убеждаю саму себя. – Это всё её привычка контролировать. Она не со зла, просто иначе не умеет».

Но от этих мыслей почему-то только хуже. Потому что если не со зла, то значит, так и должно быть? Я и правда виновата?

Цель – ближайший супермаркет. Купить что-нибудь на ужин. Что именно? Я ещё не решила. Возможно, просто поброжу между стеллажами, разглядывая всякие приправы, чтобы не сойти с ума.

Парковка у супермаркета забита под завязку. И тут я вижу... неужели её?! Ту самую девушку. Леру. Она выходит из ярко-красного автомобиля. На ней джинсы и бежевая куртка. Нет даже намека на мое шмотье. Вся такая красивая, стильная.

У меня перехватывает дыхание. Я замираю посреди парковочного ряда, словно вкопанная.

Нет, всё же обозналась. Это не она. Я хоть и не помню её лица, но эта женщина явно старше. Ей лет сорок. Она точно не годится на роль стажерки моего супруга. Кроме того, у этой дамы волосы отдают рыжиной, а у той Леры они русые.

Раздумывая над тем, кто передо мной, я не замечаю, как сзади почти бесшумно подкапывает чёрный внедорожник.

Громкий, нетерпеливый гудок заставляет меня вздрогнуть и отпрыгнуть в сторону. Я чуть не поскользнулась на мокром от недавнего дождя асфальте.

Из окна высовывается мужчина. Лет сорока с небольшим, в тёмных очках и кожаной куртке.

– Эй, прекрасная принцесса! Где-то там, – он указывает в сторону гипермаркета, – есть специальное место для медитаций. Называется «тротуар». Рекомендую!

Его тон не злой, но ехидный, но ужасно снисходительный. Такой, каким говорят с нерадивыми детьми или очень глупыми людьми.

В любой другой день я бы смутилась. Пробормотала бы «извините» и поспешила бы прочь, сгорая от стыда.

Но сегодня у мен внутри словно рвется какая-то струна. Бам, и всё.

Вместо того чтобы уйти, я поворачиваюсь к нему. Губы мои дрожат. Я хочу сказать что-то колкое, парировать, поставить на место этого наглеца. Но из меня вырывается только сдавленный, сиплый звук.

А потом меня просто прорывает.

Слёзы хлынули ручьём, без спроса, без предупреждения. Громкие, неуклюжие рыдания. Я стою посреди парковки и реву в три ручья.

Мужик в машине застывает. Ухмылка сползает с его лица, сменившись полной растерянностью. Он отодвигает солнцезащитные очки на лоб, и я вижу его глаза – карие, распахнутые от удивления.

– Эй... – растерянно вопрошает он. – Ну чего вы?..

Но я уже не могу остановиться. Плечи предательски трясутся, я всхлипываю, пытаюсь ладонью заткнуть рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.